

2207

11 MAR 1980

ЗИМА 1861-ГО.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

В эти мартовские шевченковские дни вспоминается мне музей Тараса Григорьевича в Киеве, где неоднократно приходилось бывать. Здесь каждая вещь — частица биографии поэта, здесь — его непокоренный дух, величие и мудрость.

Слава витала над мужественным челом Тараса еще при его жизни. Особенно в последние годы творческого гения поэта.

Об этом ярко свидетельствуют письма, стихотворные послания, телеграммы из самых отдаленных уголков земли, где за каждой строкой — любовь, гордость, опасения за здоровье Кобзаря.

Вот, например, какое письмо прислала в конце февраля 1861 года из Рима известная украинская писательница Марко Вовчок: «Мой очень дорогой Тарас Григорьевич! Слышу, что Вы все недомогаете и болеете, а сама уже своим умом дохожу, как же Вы не бережете себя и как сердиты теперь. Вот добрые люди скажут: «Тарас Григорьевич! Может, Вы шапку наденете — ветер!» — А Вы сейчас и плащ с себя снимаете. — «Тарас Григорьевич, нужно окно закрыть — холодно...». — А Вы скорее к двери: пусть настезь и стоит. А сами Вы только одно слово произносите: «Отстаньте», — да смотрите только в левый угол. Я все это хорошо знаю, но не боюсь, а говорю Вам и прошу Вас очень: берегите себя. Или таких, как Вы, у меня поле засеяно?...».

Поражает также своим содержанием телеграмма от полтавчан, датированная 25 февраля 1861 года: «Отец, полтавчане поздравляют любимого Кобзаря с именинами и просят: «Твори, отец, орел сизый».

Десятки, сотни посланий в адрес Т. Г. Шевченко!

Мне как поэту особенно запала в душу телеграмма полтавчан. Были написаны стихи, которые так и названы — «Зима 1861-го. Васильевский остров».

Ці слова.

Ці рядки.

Наче з коренем
вибрані квіти,
Поливай же россою,
Поливай їх гіркими,
поете,

І одужає,
І окриється серце
для лету,
Хоч за вікнами
Академії —

Вітер,
Вітер...
Буревій!
Хуртовина —
Геть не видно
вже божого світу,
Замело Петербург,
Замітає
Василівський острів.

Ці сніги,
Як сльоза,
В гайдамацьких
шабляках гострих,
Що лежать до пори,
Сіряками у сховах
вкриті.

Де ж перо?
Де папір?
Ген-бо ходять
по Невським проспекті.
А слова?
А слова усі зболені де ті?
Полетіли к Дніпру,
Гірко квилять
вони за тобою,
І над Києвом
златоглавим —

Сніг та сніг,
Як біда за бідою.

Ці слова.
Ці рядки.
Мовби в обрій прочинено
Двері
Відразу.
Це б до столу скоріш,
До Вкраїни,
Мій голубе сизий...
Плакав чистий папір,
Та й на серце жарини
нанизував,
І в іскрині у кожній
Святилися
Очі
Тараса...

Валерьян ЮРЬЕВ.